

Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 26—31.
Siberia Humanitarian. 2023;(1):26—31.

Теоретические аспекты изучения нематериального наследия

Научная статья
УДК 94 (47)+297:908

Об особенностях идентификации мусульман азиатской части России

Александр Павлович Ярков

Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация, ayarkov@rambler.ru

Аннотация. Умма азиатской части России в ходе развития всегда представляла собой неравновесную систему. Она состояла и состоит из элементов (личности и сообщества, связи между ними и окружающей средой, консервативные или прогрессивные убеждения и представления), каждый из которых в процессе культуротворения вносит вклад в характеристики этой системы и влияет на идентификацию всех своих членов.

Ключевые слова: умма азиатской части России, система, идентичность, время и обстоятельства

Для цитирования: Ярков А. П. Об особенностях идентификации мусульман азиатской части России // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 26—31.

Theoretical aspects of the study non-material heritage

Original article

Peculiarities of identification of Muslims in the Asian part of Russia

Alexander P. Yarkov

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, ayarkov@rambler.ru

Abstract. The Umma of the Asian part of Russia in the course of its development has always been a non-equilibrium system. It was and is composed of elements (personalities and communities, connections between them and the environment, conservative or progressive beliefs and ideas), each of them contributes to the characteristics of this system in the process of cultural formation and influences the identification of all its members.

Keywords: The Umma of Asian Russia, system, identity, time, and circumstances

Для цитирования: Yarkov A.P. Peculiarities of identification of Muslims in the Asian part of Russia. *Siberia Humanitarian*. 2023. № 1. С. 26—31.

Идентификация жителя азиатской части России всегда была различна: на уровне его гражданства (если фиксировалась в прошлом), внутри группы (этноса или конфессии), от наблюдающих со стороны.

В научной литературе представлены два взгляда на историю исламизации сибирских территорий. В некоторых научных изданиях говорится о том, что 1394—1395 гг. — время массового приобщения (через военные действия) к исламу жителей Прииртышья, ставшего первым в мегарегионе по времени и числу обращенных. Однако этот факт не находит подтверждения в письменных источниках и археологических материалах, отразившись только в местных тюркских рукописях в арабской графике — сачара. Подлинные или мнимые могилы погибших от рук непокоренных язычни-

ков миссионеров (шейхов) из Средней Азии — астана стали объектом почитания, а в условиях отдаленности от Мекки их посещение — «временным заместителем» хаджа. Большинство ученых считают, что лишь спустя столетия мирными усилиями, обогатившись местными языческими элементами, родился феномен сибирского ислама.

Первыми в период развитого Средневековья (в Европе это уже Возрождение) осознали себя мусульманами не кочевавшие по лесам и степям тюркские племена (еще не татары и казахи), а правители. Их исламские имена свидетельствуют о постепенно закрепившихся традициях. Известно, что один из сибирских правителей — хан Шибан позиционировал себя наместником Аллаха, который якобы возглавлял «истинных мусульман», охранял ислам во всей чистоте, а также уничтожал еретиков и отступников. Именно он присвоил титул имам уз-заман ва халифат-ур-Рахман — имама эпохи и халифа милосердного, что могло стать причиной включения этого образа в предания сибиряков, проживавших на периферии мусульманского мира.

В период другого правителя — Сайид Ибрахима Сибирское ханство укрепилось, но ислам не стал государственной религией. Сообщения источников о роли там ислама фрагментарны, хотя в грамоте московскому правителю Сайид Ибрахим пишет: «Яз — бесерменской государь, а ты христианской государь, от сех мест вперед меж бы нас добродетель бы наша была» [1, с. 18]. Упоминание «царства бесерменского в Сибири» не является свидетельством массовой принадлежности к исламу: край оставался пестрым в этноконфессиональном отношении. А преимущественно кочевой или полукочевой уклад хозяйства никогда не способствует закреплению монотеизма. Примеры — по всему миру.

Факты постепенного утверждения в массах ислама находят отражение в упомянутых сацара. О закреплении некоторых исламских традиций как своих говорят похоронные обряды: например, атаман Ермак погребен отдельно как иноверец.

Ненасильственная конфессиональная ассимиляция обуславливалась тем, что, с одной стороны, существовали границы религиозной общности, а с другой стороны, жесткого конструирования образа Другого как врага по отношению к язычникам не могло быть в среде местных мусульман, многие из которых были рождены от браков тюрков и угров. Сохранившиеся у них не только культ предков, но и элементы прежних верований образовали синтетический образ.

Чтобы «включить» архаичные элементы в исламские ритуалы, хан Кучум пригласил из Бухары и Хивы богословов — улемов, объехавших астану и ознакомившихся с местными традициями. В результате сакральные для сибиряков элементы стали признанными, а ритуалы, включая поминовение предков, допустимыми. Для значительной части тюрков этнокультурная идентичность стала с того времени совпадать с исламской, в том числе с помощью преданий о шейхах и астана.

Османский чиновник Сейфи Челеби говорил о самом Кучуме как стороннике ханафитской ветви суннизма: «...он мусульманин, принадлежащий к вероисповеданию Имама Азама» [2, с. 261], в русских летописях встречаются неоднократные упоминания о Кучуме как «бесурманском сибирском царе» [3, с. 22]. Пришелец с мечом из Средней Азии стал своим, а родством с ним (генетическим или мифическим) до сих пор гордятся некоторые сибиряки.

Вхождение Сибири в состав Российского государства, с одной стороны, привело к консолидации местной уммы и осознанию себя муслими, с другой стороны — «некрепких в вере» вернуло к язычеству предков или привело в христианство. Зная, что многие из первых жителей Тюмени, Тары, Тобольска были крещеными татарами, нельзя считать эти города только рус-

скими. Это не соответствует генетическим материалам и культурологическим аксиомам: носитель этнокода не может в один момент стать Другим, а прежняя культура не может стать и спустя годы чужой.

В «Большой России» всегда была сложной схема межличностных отношений. Примеры есть и в азиатской ее части, где на социальной и этноконфессиональной основе казахи именовали всех служилых татар «бухара»; в ведомости Тюменской воеводской канцелярии 1746 г. указывалось: «...бухарцы и татары называют русских людей орус, а себя называют мусельмане» [4, с. 209—210]. Эуштинцев в 1770-е гг. характеризовали как «добрых мусульман», а многие телеуты и чаты еще долго оставались «язычниками» [5].

Нагнетание информации, например, о мусульманском фанатизме формировало (сохранилось и в XX в.) определенные стереотипы. Это углубляло социальный и психологический антагонизм между «русским центром» и коренным населением мегарегиона, типизировавшимся с помощью терминов «азиат», «мусульманин», «татарин», попадающим в обобщенно-политическую категорию зла.

Такое отношение к исламу со стороны «русского центра» осложняло управление окраинами. Это отразилось, например, в переписи 1897 г. Тогда многие из мусульман были напуганы известием о переписи, собираясь в мечетях и в резиденциях у мулл. Некоторые из более разумных инородцев приезжали в Тару за разъяснениями. В результате переписи все же удалось установить, что в Амурской, Забайкальской, Енисейской, Иркутской, Приморской, Тобольской, Томской, Якутской губерниях и областях проживало 170 875 мусульман.

Идентичность по религиозному признаку на фоне не оформившегося этнического (тугумная принадлежность важнее) — всего лишь ответ на вызов эпохи — миссионерское давление РПЦ и русификаторское со стороны правительства.

Рубеж XIX и XX вв. продемонстрировал изменение идентичности. Иногда это делило этнос: в Среднем Приобье если одни помнили о происхождении от башкирских/уфимских татар и называли себя не только усредненно «татар-башкурт», но и вполне определенно — «мусульмане», то западные и южные манси исчезли, ассимилированные татарами и русскими, соответственно ставшие мусульманами или православными.

Значимо укрепление в годы революций и Гражданской войны идеи самоорганизации, а традиционной формой ее проявления стали национально-культурные автономии тюрко-татар и съезды: всесибирские, областные, уездные, волостные и т. д., названные «мусульманскими». Это наименование, как полагал С. М. Исаков, не абстракция. Оно отражало существование общины (общности, социума) российских мусульман (на основе их самоощущения), включавших различные этносы [6, с. 72—73]. Большинство мусульман не отделялось от инородцев, откликаясь на инициативы. Так, от имени делегатов-инородцев Томского губернского народного собрания (проходило в апреле — мае 1917 г.) телеграмму Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов подписал казах Кынев, а съезд представителей инородческих волостей Алтая в июле 1917 г. приветствовал представитель благотворительного общества З. Т. Габдулхаков.

В советские годы продолжилось административное переустройство Сибири и Дальнего Востока, связанное со стремлением «огосударствить этничность», порою рождая конфликты (но, заметим, не кровавые). Татары, бухарцы, казахи и башкиры, жившие на границах республик, оказались «разорванными», но это компенсировалось их конфессиональной принадлежностью. Сохранялась и «плавающая этничность»: иные сибиряки определяли себя согласно тугумным представлениям, а лишь затем — татарами (бухарцами, башкирами, казахами), но в представлении верующих — «все-

гда мусульмане». Поэтому у многих процесс административно-территориального размежевания не вызвал той реакции, какая наблюдалась в других регионах СССР после «топорного разделения».

Поскольку религия выступала критерием этнической и языковой идентичности, то в первые годы советской власти это отражалось в наименованиях: например, тобольский мусульманский детский дом. В немногочисленных мусульманских ячейках РКП(б) и РКСМ еще только шло формирование советских кадров управленцев.

В последующий период власти решили искоренить религиозность, но если внешне эти дела решались просто, то внутренне все обстояло сложнее (опрос учащихся в школах показал — число верующих колебалось от 28 до 80 %). Вера уходила в приватную сферу, институализировалась в этике, капсулировалась в традициях и самосознании [7, с. 146]. На этом фоне показательно, что в советских переписях 1920-х гг. нагайбаки фиксировались отдельно, но с 1930-х гг. их записывали татарами. Тем не менее к религии далеких предков, за редким исключением, они не вернулись. Все советские годы мусульманки через одежду и особо повязанный платок могли «говорить» о своей принадлежности. Мужчины же надевали головной убор только в ритуальных случаях. А вот борода укрепляла их повседневную самоидентификацию.

Возрождение исламской духовной жизни в 1990-х гг. в мегарегионе проходило неоднозначно. Появились общины в тех регионах Дальнего Востока и на севере Сибири, где ислам никогда не исповедовался. Строились мечети и молельные дома за счет личных средств, при финансовой помощи местных и зарубежных спонсоров. Последние настораживали большинство здравомыслящих и возрастных мусульман. Все чаще появлялась информация о приобщении молодежи к социально опасным идеям, а то и о фактах вовлечения их в незаконные вооруженные формирования. В домашних мечетях существовала агитация за выезд в горячие точки для борьбы с кафирами, к которым вербовщики причисляли и тех, кто поддерживал светское устройство государства.

В 2010 г. в Тюменской области 60,8 % опрошенных татар считали себя мусульманами. Но большинство из них не отличали религиозные праздники от остальных (семейные, календарные и др.). Между тем на идее возрождения и укрепления идентичности основывались те, кто пытался при введении в школах предмета «Духовно-нравственное воспитание» апеллировать к родителям при выборе курса для детей («Основы мусульманской культуры», «Основы православной культуры» и др.).

Специфично положение с самосознанием у живущих в Сибири и на Дальнем Востоке русских мусульман, поскольку их предки ислам не исповедовали. Настораживает, что эта группа неофитов чаще устремляется в радикальный исламизм, не постигнув духовной глубины предписанного Аллахом. Оттуда непонимание, что главное в большом джихаде — борьба с неверием в самом себе и окружающем мире (например, Министерство сельскохозяйственного джихада в Иране), а малый джихад (газават) вправе объявить лишь общепризнанный авторитетный шейх-уль-ислам при определенных условиях.

Нередко ислам воспринимался как неразрывная (обязательная) идентичность: «если татарин/азербайджанец, значит мусульманин». Случаи принятия ислама русскими, немцами, украинцами, евреями (или христианства — мусульманами или иудеями по происхождению) есть лишь воплощенное право личности, а не обязательное предписание.

Анализируя совокупность многих факторов и явлений, оказавших влияние на умму мегарегиона, можно сделать вывод, что эта общность представляет собой неравновесную систему. Она состоит из элементов (личности и сообщества, связи между ними и окружающей средой, консер-

вативные или прогрессивные убеждения и представления), каждый из которых в процессе культуротворения вносит вклад в характеристики этой системы.

В сложных условиях современного мира, где конфликты государств разрушают общегражданский мир, важно оставаться автономно мыслящей личностью, отвергая идею высшей расы/этноса/религии.

Список источников

1. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489—1508 гг. М. : Наука, 1984. 435 с.
2. Султанов Т. И. Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюркологический сборник 2003—2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М. : Восточная литература, 2005. 375 с.
3. Летописи сибирские. Новосибирск : Наука, 1991. 234 с.
4. Трофимова О. В. Ведомость Тюменской воеводской канцелярии 1746 года как источник по этнической истории татар // Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию академика Д. Г. Тумашевой. Тюмень : Изд-во Тюменского госуниверситета, 2007. С. 207—212.
5. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению ее президента : в 8 т. Т. 6: Записки Путешествия Академика Фалька. СПб. : Императорская Академия Наук, 1824. 560 с.
6. Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. — лето 1918 г.). М. : Наука, 2004. 186 с.
7. Ярков А. П. Сибирский ислам как фактор региональной политики // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт : материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 2012. С. 142—149.

References

1. Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Nogaiskoi Ordoi. 1489—1508 gg. [The embassy book on relations between Russia and the Nogai Horde. 1489-1508]. Moscow, Nauka, 1984, 435 p.
2. Sultanov T.I. Izvestiya osmanskogo istorika XVI v. Seifi Chelebi o narodakh Tsentral'noi Azii [The 16th-century Ottoman historian Seifi Chelebi's notes about the people of Central Asia], *Tyurkologicheskii sbornik 2003—2004: Tyurkskie narody v drevnosti i srednevekov'e* [The Turkic collection 2003-2004: Turkic peoples in antiquity and the Middle Ages]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2005, 375 p.
3. Letopisi sibirskie [The Siberian chronicles]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 234 p.
4. Trofimova O.V. Vedomost' Tyumenskoi voevodskoi kantselyarii 1746 goda kak istochnik po etnicheskoi istorii tatar [The register of the Tyumen Provincial Office of 1746 as a source for the ethnic history of the Tatars], *Tumashevskie chteniya: aktual'nye problemy tyurkologii : materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu akademika D.G. Tumashevoi* [The Tumashev readings: topical problems of turkology : materials of the All-Russian scientific-practical conference dedicated to the 80th anniversary of academician D.G. Tumasheva]. Tyumen', Publ. Tyumenskogo gosuniversiteta, 2007, pp. 207—212.
5. Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoyu Akademiei Nauk, po predlozheniyu ee prezidenta [The complete collection of scientific travels in Russia, published by the Imperial Academy of Sciences, at the suggestion of its president], v 8 vol. vol. 6: Zapiski Puteshestviya Akademika Fal'ka. Saint-Petersburg, Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1824, 560 p.
6. Iskhakov S.M. Rossiiskie musul'mane i revolyutsiya (vesna 1917 g. — leto 1918 g.) [Russian Muslims and the Revolution (Spring 1917 - Summer 1918)]. Moscow, Nauka, 2004, 186 p.
7. Yarkov A.P. Sibirskii islam kak faktor regional'noi politiki [The Siberian Islam as a factor in regional politics], *Razvitie politicheskikh institutov i protsessov: zarubezhnyi i otechestvennyi opyt* [The development of political institutions and processes: foreign and domestic experience], *materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Omsk, 2012, pp. 142—149.

Информация об авторе

Ярков Александр Павлович — доктор исторических наук, руководитель учебно-методического направления, Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация. E-mail: ayarkov@rambler.ru

Information about the author

Alexander P. Yarkov — Doctor of Historical Sciences, Head of the educational and methodological direction, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation. E-mail: ayarkov@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 16.09.2022; одобрена после рецензирования 19.09.2022; принята к публикации 21.09.2022.

The article was submitted 16.09.2022; approved after reviewing 19.09.2022; accepted for publication 21.09.2022.